

П.В. ПАНОВ

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ
ФРАГМЕНТИРОВАННЫХ ПОЛИТИЙ***

Проблема устойчивого развития (sustainable development), которая так активно обсуждается в последние годы, очевидно, содержит не только экологическое, экономическое и социальное, но и политическое измерение. Судя по всему, в настоящее время происходят радикальные изменения политической организации обществ. Глобализация и размывание суверенитета национальных государств, нарастающая волна миграции и политизация групповых различий, маркетизация и консьюмеризация политики – все это представляет собой вызов для того паттерна политического порядка, который сложился в эпоху модерна и базировался на системе национальных государств (nation-states) [Spruyt, 2002; Wissenburg, 2008]. По существу, речь идет о тенденциях, вступающих в противоречие с природой национальных государств, которую принято описывать в категориях универсализма [Badie, 2000]. В терминах концепции «центр – периферия» [Шилз, 1972; Bartolini, 2005; Eisenstadt, 1978; Rokkan, 1987] универсализм национальных государств базируется на «моноцентричности»: единственный властный центр – state – генерирует и обеспечивает воспроизводство в политических взаимодействиях общих для всех членов политики (и в этом смысле универсалистских) моделей поведения и таким

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Граждане “разного сорта”? Варианты институционализации фрагментированного политического порядка в XXI веке: факторы, условия, эффекты», проект № 12-33-01016a1.

образом добивается социетальной интеграции. Институционально это закреплялось в универсалистских институтах гражданства, выборов, политических партий, парламентов и т.д. В политико-культурном плане универсалистский порядок легитимируется соответствующей социальной онтологией – картиной мира, в соответствии с которой центральное место в идентификационной матрице занимает гражданская национальная идентичность, а нация воспринимается как политическое сообщество равных и свободных граждан. Все это создает достаточно прочный фундамент институциональной устойчивости национальных государств.

Разумеется, интерпретация национального государства как универсалистской политической формы – идеал-типический мыслительный конструкт, и реальные национальные государства в той или иной мере отклонялись от этой модели. Иные (негражданские) идентичности нередко приобретали политическое значение, что усложняло и идентификационную матрицу, и политико-институциональную организацию. «В теле» национальных государств возникали различные «части» – социальные группы, которые в политических взаимодействиях воспроизводили собственные (партикуляристские) модели поведения и системы культурных значений¹. Тем не менее раньше это преимущественно воспринималось как некая девиация. Теперь ситуация изменилась: утрата универсалистским центром институциональной и культурно-легитимирующей монополии означает изменение фундаментальных оснований политического порядка, его «фрагментацию» по партикуляристским основаниям. В связи с этим возникают вопросы: что происходит с универсалистскими политическими институтами? Способны ли они обеспечить устойчивость фрагментированных политий? Может ли вообще быть устойчивым фрагментированный порядок? Или же, напротив, в новых условиях только фрагментированный порядок и может быть устойчивым?

¹ Термины «партикуляризм» и «универсализм» в данной работе используются в контексте соотнесения друг с другом, а не в абсолютных значениях. Строго говоря, универсализм «в полном смысле слова» предполагает наличие единого глобального общества, здесь же он ограничен рамками национального государства. Вместе с тем партикуляризм в «чистом виде» – это «правила» персональных взаимодействий, а любой социальный порядок по определению предполагает деперсонализацию правил, т.е. уже некоторую степень универсальности.

В данной статье сделана попытка представить обзор исследовательской повестки по проблеме институциональной устойчивости фрагментированного политического порядка. С этой целью будут обозначены некоторые исследовательские проблемы, рассмотрены подходы, предлагаемые для их решения, а также высказаны некоторые (предварительные) авторские комментарии.

Проблема концептуализации. Для описания рассматриваемого феномена в литературе наиболее часто используются три термина: «многосоставное общество» (plural society), «разделенное общество» (divided society) и «фрагментированное общество» (fragmented society). Первый из них стал широко известен благодаря работам Аренда Лейпхарта [Lijphart, 1977; в переводе на русский: Лейпхарт, 1997]. Определяя понятие многосоставного общества, Лейпхарт ссылается на «сегментарные различия». Они «могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу», но важно то, что «политические партии, группы интересов, средства коммуникации, школы, добровольные объединения имеют тенденцию к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ» [Лейпхарт, 1997, с. 38].

Семантически «plural society», однако, ассоциируется с политическим плюрализмом – явлением, сущностно свойственным либеральной демократии – и, как представляется, не совсем удачно схватывает специфику тех обществ, которые описывает Лейпхарт. Возможно, это объясняет, почему более широкое распространение получил второй концепт – «разделенные общества». Как правило, о разделенных обществах говорят тогда, когда в политической жизни наблюдается очевидный раскол по этническому признаку. «Когда отношения доминирующей группы к этническим меньшинствам характеризуются враждебностью, а не сотрудничеством, общество может быть описано как разделенное» [Oberschall, 2007, р. 1]. Вместе с тем нередко этот термин применяется и к некоторым другим – религиозным, расовым, языковым – расколам. Судя по всему, ключевой признак групп, раскалывающих «разделенное общество», заключается не столько в самих этнических признаках, сколько в том, то что они воспринимаются в примордиалистском духе – как нечто «данное от природы», «изначальное». Это создает достаточно интенсивную и эмоционально окрашенную групповую

идентичность, что и является базой для таких мощных расколов. Разумеется, «примордиалистское осмысление» – продукт социального конструирования, и в качестве примордиальных могут коллективно осмысливаться разные признаки, но чаще всего в качестве таковых выступают именно родство (общее происхождение) и культурные особенности (язык, религия), что обычно и фиксирует категория «этничность».

Третий концепт – «фрагментированное общество» – также достаточно давно известен в политической науке. Еще в 1970 г. Дж. Бингхэм Пауэлл писал в одной из своих работ, что «во фрагментированном обществе политические размежевания происходят по тем линиям, которые разделяют социальные классы, вторичные ассоциации, основные религиозные и этнические группы. Лишь немногие индивиды придерживаются тех идентичностей, которые перекрывают данные линии размежевания» [Powell, 1970, p. 1]. Не трудно заметить, что эта дефиниция практически полностью совпадает с тем значением, которое придавал «многосоставному обществу» Лейпхарт. Тем не менее концепт «фрагментированное общество» долгое время был значительно менее популярным, нежели «многосоставное» или «разделенное». Вероятно, это связано с тем, что в другом значении этот термин активно используется для характеристики «соотношение сил» между партиями – «фрагментация партийных систем» [Sartori, 2005]. Тем не менее сохранялась и «пауэлловская» коннотация [Badie, 2000, p. 154; Migdal, 2001, p. 20, 22, 49]. В последние годы она встречается все чаще и чаще, а некоторые исследователи даже полагают, что концепт фрагментации «является ключевым для понимания современного мира» [Schwarzmantel, 2001, p. 386].

На наш взгляд, термин «фрагментация» действительно выглядит более предпочтительным для описания рассматриваемого феномена. По сравнению с «plural society» он точнее потому, что не вызывает ассоциаций с плюрализмом, и это представляется важным, так как фрагментация, конечно же, не тождественна политическому плюрализму. Более того, универалистский взгляд на мир фактически «требует» политического плюрализма, так как равные и свободные граждане, участвуя в дискуссиях по поводу определения «общего блага», высказывают различные точки зрения. Они кристаллизуются и структурируются в программах по-

литических партий, а в виде альтернативных политических программ выносятся на выборы. Выборы тем самым осмысливаются как взаимодействия равных и свободных граждан по поводу определения будущей политики правительства («гражданское голосование»). Политический плюрализм в этих случаях имеет интегрирующее значение, ибо он связывает акторов в гражданскую нацию. Универсализм, таким образом, противостоит не плюрализму, а партикуляризму, когда члены специфических социальных групп осмысливают политику под партикуляристским углом зрения, «в большей мере идентифицируют себя с определенной группой, нежели с государством в целом» [Redhead, 2002, p. 803] и воспроизводят соответствующие политические практики. Члены примордиальной группы, например, будут в этом случае создавать «этнические партии» [Chandra, 2004], а выборы будут восприниматься не как борьба альтернативных политических программ, а как проявление лояльности «своей» группе и продвижение ее представителей в органы власти – «этническое голосование» [Birmir, 2007; Wilkinson, 2006].

Термин «фрагментированное общество» представляется более точным и по сравнению с концептом «разделенное общество». Последний, как мы видели, достаточно явно отсылает к примордиальным группам и идентичностям, но политический порядок может фрагментироваться и социальными группами иного типа. Так, Эдвард Шилз противопоставлял гражданскому (универсалистскому по своей природе) типу социальных связей не только примордиальные, но и персоналистские связи [Shils, 1957]¹, и в политической науке хорошо изучена такая их разновидность, как клиентелизм. Поскольку политический клиентелизм основывается на иерархической диспозиции и персональной лояльности в отношениях между патроном и клиентами [Eisenstadt, Roniger, 1984; Patrons, clients, and policies, 2007], политические взаимодействия, в частности выборы, осмысливаются как поддержка клиентами патрона в обмен на то, что последний предоставляет им партикуляристские блага. Кроме того, на наш взгляд, необходимо принимать

¹ Кроме того, он выделяет четвертый тип социальных связей – сакральный. Сакральные социальные связи, на наш взгляд, невозможно однозначно отнести ни к универсалистским, ни к партикуляристским, поскольку в разных контекстах они имеют различное значение.

в расчет еще один тип партикуляризма, который имеет «рыночную природу». Здесь политические взаимодействия коллективно осмысливаются как бизнес, т.е. возможность извлечения выгоды или «политической ренты». В электоральных практиках это проявляется, например, в «покупке – продаже голосов» [Elections for sale, 2007].

Таким образом, термин «разделенное общество» фиксирует лишь часть партикуляристских практик, фрагментирующих политическое общество, однако это именно те практики, для которых характерно наличие относительно устойчивых сегментов (или фрагментов)¹, поскольку именно примордиальные связи оказываются наиболее устойчивыми и интенсивными по сравнению с другими типами партикуляризма. Не случайно подавляющая часть литературы посвящена примордиалистской фрагментации, и именно на нее будет сделан акцент в данной работе.

Проблема операционализации. Одна из ключевых проблем, которые возникают при исследовании фрагментации политического порядка, связана с разработкой операциональных показателей, которые дают возможность более или менее точно фиксировать фрагментацию. Очевидно, само по себе наличие разнообразных социальных групп, даже таких ярко выраженных, как религиозные и этнокультурные, не является валидным индикатором фрагментации, так как групповые идентичности отнюдь не обязательно актуализируются в политических взаимодействиях. Поэтому возникает вопрос, каким образом из всего разнообразия примордиальных групп выделить те, которые фрагментируют политическое общество.

Как это часто бывает при операционализации понятий, найти какой-то один валидный показатель весьма проблематично, поэтому исследователи полагаются на комбинацию индикаторов. Этот подход применяется, например, группой исследователей из университета Мэриленда (США), где уже многие годы реализуется Minorities at Risk Data Generation and Management Project (MAR)². Созданная и постоянно обновляемая база данных охватывает все страны с населением более полумиллиона человек и включает этнические меньшинства и религиозные секты численностью не ме-

¹ Термины «сегмент», «фрагмент», «партикуляристская группа» и т.п., очевидно, нуждаются в более тщательной концептуализации, но в данной работе используются как синонимы.

² <http://www.cidcm.umd.edu/mar>

нее 100 тысяч человек (составляющие не менее 1% населения). Особое внимание уделяется тем группам, которые подвергаются дискриминации и ведут борьбу за свои права. В 2003 г. было выявлено, что из 700–800 меньшинств, соответствующих критериям выборки, политически активными были 285.

Другой известный проект – Ethnic Power Relations dataset (EPR) – осуществляется группой исследователей из университетов Лос-Анджелеса и Цюриха (<http://www.epr.ucla.edu>). Он охватывает 156 стран с населением более 1 млн. человек и площадью не менее 50 тыс. кв. км. Задача проекта – идентифицировать все «политически релевантные группы» (politically relevant groups). В отличие от MAR этот проект базируется на экспертных опросах. Политически релевантными считаются этнические группы, которые: а) имеют хотя бы одного значимого политического актора (имеется в виду активная политическая организация, хотя и не обязательно партия), представляющего требования группы на политической арене; б) систематически и преднамеренно подвергаются дискриминации со стороны доминирующей этнической группы. Такой подход позволил исследователям выявить более 730 групп, создать по ним базу данных и провести серию достаточно интересных исследований, некоторые результаты которых будут представлены ниже.

Проблема институтов. Что происходит с универсалистскими институтами в условиях фрагментации политического порядка? Поиски ответа на этот вопрос заставляют исследователей переосмысливать многие классические представления о политических институтах, составляющих своего рода «каркас» политий типа национальных государств. В частности, широкую известность получили работы Джоеля Мигдаля, в которых предложена новая концепция государства – «государство-в-обществе» (state-in-society approach). Мигдаль отвергает постулаты о «моноцентричном» и автономном государстве и, напротив, фокусирует внимание на процессе «взаимосвязанности государства и иных социальных сил» [Migdal, 2001, p. 250]. Он доказывает, что, с одной стороны, даже если государство-state и пытается навязать универсальные модели поведения, в полной мере это никогда не удастся, так как его усилия всегда встречают сопротивление различных партикуляристских групп. В реальности происходит непрекращающаяся борьба между государством и группами, которые «отстаивают раз-

личные версии того, как люди должны себя вести» [Migdal, 2001, p. 12]. С другой стороны, необходимо учитывать, что партикуляристские группы ведут борьбу за доступ к государству, и в случае успеха «целые сегменты государства могут быть захвачены людьми, которые стремятся к тому, чтобы использовать государственные ресурсы в своих интересах» [ibid., p. 54].

Оба этих тезиса, существенно меняющие теоретические представления о государстве-state, сегодня активно развиваются исследователями. Способность центра «быть единственным центром» (и в институциональном, и в культурном плане) фиксируется в концепции государственной состоятельности (stateness) [Ильин, 2008]¹, а «сращивание» государства с отдельными партикуляристскими группами – в концепции «захваченного государства» («state capture») [Grzymala-Busse, 2008]. С точки зрения степени и состоятельности, и автономности современные государства демонстрируют качественные различия. В результате, отмечает М.В. Ильин, несмотря на то что все государства обладают такой стороной, как «статусность» (statehood) – принадлежность к сообществу государств, «сами эти суверенные члены мирового сообщества не обязательно политики одного определенного типа или даже одной природы» [Ильин, 2005, с. 15]. Между ними, строго говоря, обнаруживается не типологическое «родство», а «семейное сходство» – «сродство», «подобие свойств разнородных предметов» [Ильин, 2008, с. 15–16]. В рамках эволюционистского подхода к исследованию институтов это также фиксируется в категориях «аналогия» (внешнее сходство) и «гомология» (генетическое сходство) [Patzelt, 2011].

Сказанное справедливо и по отношению к другим институтам. Проанализировав в свое время выборы в Иордании, Элен Ласт-Окар пришла к выводу, что они «имеют иную природу», поскольку оказываются ареной для конкуренции по поводу патронажа, а не по поводу политических курсов правительства [Lust-Okar, 2006]. Речь здесь идет о том клиентелистском понимании выборов, которое упоминалось выше, и термин «природа» – отнюдь не метафора. На самом деле он указывает, что за одной и той же политической формой может скрываться разное содержание.

¹ Это не единственный подход к пониманию государственной состоятельности (stateness) [обзор подходов см.: Мелешкина, 2011].

Таким образом, есть основания сделать вывод о том, что в условиях фрагментированного порядка происходит трансформация природы политических институтов, хотя при этом они сохраняют универсалистскую форму. В то же время нельзя не заметить, что они оказались вполне адаптивны и способны институционально «обеспечить» процесс фрагментации. Иначе говоря, политическая борьба в условиях фрагментированного порядка протекает в прежних институциональных формах. Могут ли они обеспечить устойчивость фрагментированных политий, «управлять конфликтом» между партикуляристскими группами, фрагментирующими порядок? И какие именно институциональные формы для этого наиболее адекватны?

Как показывают исследования, это зависит от параметров конфликта, среди которых можно условно выделить: а) «структурные»: конфигурация (композиция) политизированных партикуляристских групп-сегментов в соотнесении с государством; б) «агентские»: выбор этими группами и государством стратегий взаимодействия. Конstellляции конфигураций и стратегий чрезвычайно разнообразны. Не претендуя на исчерпывающий анализ, рассмотрим несколько типичных конstellляций, разделив их на две группы. Первая – один из сегментов доминирует и не склонен к институциональному закреплению фрагментации порядка. Вторая – происходит «признание» политического значения отдельных сегментов и тем самым институционализация фрагментации.

Доминирование сегмента. В обширной литературе по государственному и национальному строительству (state-building and nation-building) хорошо описаны три идеал-типические модели: 1) формирование надэтнической гражданской нации («монокефальность»); 2) формирование нации на основе интеграции в политическое тело относительно самодостаточных этнокультурных сообществ («поликефальность»); 3) формирование нации на основе одной этнокультурной группы [подробнее см.: Мелешкина, 2010]. Именно последний тип, осмысленный в дихотомии «нация-государство» и «государство-нация» Альфреда Степана, а также в концепции «национализирующего государства» Роджера Брубейкера [Brubaker, 1995; Linz, Stepan, 1996], имеет прямое отношение к доминированию примордиалистской группы-сегмента.

Результат такого доминирования может быть разным. Доминирующая группа может избрать в отношении меньшинств одну из конфронтационных стратегий: уничтожать (этнические чистки, геноцид); «не замечать» (не-признание); изолировать меньшинства от политики (апартеид); дискриминировать; проводить активную политику ассимиляции и т.п. Во всех этих случаях есть основания говорить об этнократии (этнократическом режиме). Другой тип стратегий в отношении меньшинств раскрыт в концепции «этнической демократии» [Smootha, 1989]. Здесь представители меньшинств имеют равные гражданские права, а политический процесс строится на демократических процедурах, но вследствие этих самых процедур меньшинства (их партии) оказываются в заведомом проигрыше, поскольку какие-либо привилегии для них в этой модели не предусмотрены.

Насколько институционально устойчивы этнократии и этнические демократии – зависит, в первую очередь, от композиции фрагментов и стратегии меньшинств. Меньшинство может «смириться» с доминированием крупнейшего сегмента, особенно если он занимает по отношению к меньшинствам относительно лояльную позицию (этническая демократия). Тогда сложившиеся институты (выборы, партийная система и т.д.) вполне способны обеспечить устойчивое воспроизводство как этнократии, так и этнической демократии. Но нередко меньшинство выдвигает требование «самоопределения»: «внешнего» (external self-determination) либо «внутреннего» (internal self-determination) [Wolff, 2010]. В первом случае меньшинство стремится к сецессии и созданию независимого государства или хочет присоединиться к другому – «родственному» – государству (ирредентизм). Во втором оно требует территориальной или экстерриториальной автономии [Autonomy, self-governance and conflict resolution, 2005]. Как подчеркивает Стефан Вольф, и то, и другое – это вызов для национального государства. «Внешнее самоопределение» подрывает его целостность, нерушимость границ, хотя и не противоречит фундаментальным принципам политического порядка, а скорее даже соответствует им, поскольку означает реализацию идеи «одна нация – одно государство». «Внутреннее самоопределение», напротив, казалось бы, сохраняет существующее государство, но в действительности противоречит фундаментальному принципу равенства всех граждан [Wolff, 2010, p. 4].

Доминирующая группа порой идет на уступки и выражает готовность признать особые права меньшинств. Это, однако, уже будет иная модель институционального устройства, о которой речь пойдет ниже. Но даже это, как известно, не гарантирует достижения компромисса, если предлагаемые уступки с точки зрения меньшинства недостаточны. Однако чаще всего доминирующий сегмент отвергает требование самоопределения, что порождает противостояние, нередко в насильственных формах¹. Немало случаев, когда государство, отказываясь пойти на компромисс, фактически теряет контроль над территорией партикуляристской группы, и возникают феномены непризнанных государств, частично признанных государств, «де-факто государств» и т.п.

Таким образом, с точки зрения институциональной устойчивости невозможно «отдать предпочтение» ни этнократическому режиму, ни этнической демократии. Каждый из них таит в себе «скрытые угрозы», реализация которых может вызвать насилие, вооруженный конфликт, межэтнические столкновения и т.п. Это подтверждается и сравнительными эмпирическими исследованиями, которые проводятся в рамках проекта EPR (см. выше). Они позволяют сделать вывод об амбивалентности того или иного институционального устройства в плане обеспечения политической устойчивости: «В зависимости от конфигурации политической власти похожие политические институты приводят к различным последствиям, и, наоборот, одинаковые последствия оказываются результатом различных констелляций власти» [Wimmer, Cederman, Min, 2009, p. 320].

Таким образом, в случае доминирования одного из сегментов обнаруживаются следующие варианты. Если меньшинство «смирилось» с господством доминирующей группы – мир, институциональная устойчивость, неинституционализируемая фрагментация. Если меньшинство ведет борьбу за самоопределение – конфликт,

¹ Согласно результатам исследований в рамках проекта MAR (см. выше), из 285 этнических меньшинств, политически активных на протяжении последнего полувека, примерно половина требовала самоопределения. Более чем в 70 случаях это сопровождалось вооруженным конфликтом, из них к 2003 г. только в 12 было достигнуто мирное соглашение (семь – на базе территориальной автономии и пять – путем создания независимых государств). В 32 случаях удалось перевести вооруженный конфликт в ненасильственный процесс, в остальных случаях вооруженное противостояние продолжалось [Quinn, Gurt, 2003].

институциональная неустойчивость, неинституционализированная фрагментация. Сецессия или возникновение непризнанного государства означает фактически появление «новой» политики. Об институционализации фрагментации можно говорить лишь тогда, когда доминирующая группа идет на признание особых прав сегментов – меньшинств.

Признание и варианты институционализации фрагментации. Принято считать, что в политической науке сложились два основных подхода к решению вопроса, каким образом следует производить институционализацию фрагментированного порядка, – аккомодация и интеграция [Constitutional design for divided societies, 2008; Sisk, 1996]. Различия между ними по-разному трактуются в литературе, и на фоне разночтений наиболее продуманной и последовательной представляется систематизация вариантов институционализации фрагментированного политического порядка, предложенная Вольфом [Wolff, 2011]. Прежде всего, он считает необходимым выделить в институциональном дизайне фрагментированного порядка три проблемных измерения: 1) территориальное устройство государства; 2) композиция власти; 3) соотношение индивидуальных и групповых прав. Это позволяет достаточно четко зафиксировать и суммировать позиции аккомодационного и интегративного подходов (см. таблицу)¹.

Таблица

Основные институциональные устройства, рекомендуемые различными теориями управления конфликтами

	Консоциативная модель	Интегративная модель
1	2	3
Принципиальные рекомендации	Межэтническая кооперация на элитном уровне поощряется институциональной структурой, требующей совместного принятия правительственных решений	Межэтническая кооперация и модерация поощряется электоральной системой, требующей получения голосов разных этнических групп

¹ Вольф выделяет еще одну модель – «разделенная власть» (power dividing), которая, впрочем, не смогла завоевать много сторонников и практически не имеет эмпирических импликаций.

Продолжение таблицы

1. Территориальное устройство государства		
1	2	3
Гетерогенность или гомогенность федеративных единиц	Предпочтительны единицы, основывающиеся на самоуправляемых сообществах	Предпочтительны гетерогенные единицы
Количество единиц в соотношении с этническими группами	Предпочтительны единицы, соответствующие этническим группам	Предпочтительно большее количество единиц, нежели число этнических групп
2. Композиция власти		
Система правления	Парламентская или президентская (но с ротацией должности президента)	Президентская
Участие сегментов в исполнительной власти	Да, гарантированное	Да, но без гарантий
Участие сегментов в законодательной власти	Да, гарантированное	Да, но без гарантий
Избирательная система (для парламента)	Пропорциональная (партийные списки или преференциальная)	Преференциально-мажоритарная
Судебная власть	Независимая и репрезентативная	Независимая
Легальное закрепление	Да	Да
3. Права и идентичности		
Индивидуальные vs групповые права	Подчеркивают комбинацию индивидуальных и групповых прав	Подчеркивают индивидуальные права
Признание различных идентичностей	Да, и частные и публичные имеют значение	Да, и частные и публичные имеют значение

Источник: [Wolff, 2011, p. 172]

Основополагающее значение для аккомодационного подхода имеет консоциативная теория демократии Лейпхарта. Две ее базовые характеристики – участие сегментов в осуществлении власти (power-sharing) и автономия. Институционально участие сегментов воплощается в создании «большой коалиции» из политических лидеров всех значительных сегментов многосоставного общества в форме коалиционного правительства в парламентской системе, «большого совета» или комитета с важными совещательными

функциями, или большой коалиции президента с другими важнейшими должностными лицами в президентской системе [Лейпхарт, 1997, с. 66–72]. Этот принцип дополняется такими институтами, как взаимное вето и пропорциональность представительства (на выборах, при назначении на посты в государственной службе и распределении общественных фондов). На практике это может осуществляться путем установления специальных квот для представителей отдельных групп. Во «внутренних делах» сегменты должны обладать автономией – территориальной или экстерриториальной.

Предложенная Лейпхартом модель вызвала острые дискуссии. Главным объектом критики было то, что, по мнению оппонентов, консоциативные институциональные устройства приводят к акцентуации групповых различий и вследствие этого лишь провоцируют конфликты между сегментами. В противовес консоциативной Дональдом Горовицем была выдвинута интеграционная или, как ее еще часто называют, «центростремительная» (*centripetalism*) модель [Horowitz, 1985]. Она исходит из того, что включение партикуляристских групп в политические процессы необходимо производить таким образом, чтобы не усиливать, а ослаблять групповые идентичности, не разделять группы на политические сегменты, а стимулировать межгрупповые взаимодействия, контакты и коалиции. Вместо групповых акцент делается на индивидуальные права и свободы. Не выступая против территориальной автономии и федерализма, сторонники интеграционизма полагают, что надо избегать совпадения административно-территориальных границ с этническими. Кроме того, Горовиц рекомендовал «распылять» этнические группы по разным территориально-административным единицам, что должно препятствовать их замыканию в себе. Особое значение в качестве инструмента интеграции придается устройству электоральных институтов, которые должны создавать для политиков стимулы искать голоса избирателей в различных сегментах общества, а не полагаться на «свой сегмент». Выборы, по мысли интеграционистов, должны быть ареной «политического торга» (*bargaining*), в результате которого формируются кросс-сегментные политические партии или коалиции [Reilly, Reynolds, 1999; Reilly, 2001].

Многочисленные исследования и острые дискуссии позволяют сделать вывод о том, что ни один из двух подходов к инсти-

туционализации фрагментированного порядка не гарантирует институциональной устойчивости. Более того, невозможно уверенно говорить о том, какой из них в этом отношении более предпочтителен. По мнению Вольфа, не существует универсальных рецептов разрешения конфликтов в фрагментированном обществе, результаты того или иного институционального решения зависят от его «контента» и контекста, в котором оно реализуется [Wolff, 2011].

* * *

В заключение представленного обзора можно сделать вывод о том, что фрагментированный порядок является значительно более проблематичным феноменом, нежели универсалистский. Это отнюдь не значит, что он не может быть институционально устойчивым, так как при определенных обстоятельствах сложившиеся в эпоху политического модерна, но сущностно трансформировавшиеся в условиях фрагментации политические институты способны обеспечивать устойчивое воспроизводство фрагментированного порядка. Проблема в том, что устойчивость фрагментированного порядка зависит от совокупности самых разнообразных факторов: природа фрагментации, конфигурация групп – сегментов, выбор стратегий, позиция мирового сообщества и т.д. Соотношение этих факторов настолько неоднозначно, что в настоящее время нет теоретически обоснованного и эмпирически проверенного объяснения, какие констелляции способствуют, а какие препятствуют институциональной устойчивости.

Как представляется, особое значение имеет природа фрагментации. Клиентелистский и «рыночный» типы фрагментации не были предметом специального рассмотрения в данной статье, но можно с высокой долей уверенности предположить, что в них проблема институциональной устойчивости имеет иное «наполнение» и иные способы решения. Если, к примеру, государство оказывается захваченным клиентелистской группой (группами), оно не может строиться на базе «этнического национализма». Клиентелистские группы, в отличие от примордиалистских, намного слабее укоренены в массах, а их границы размыты и слабо маркированы. Тем не менее и в таких политиях сложившиеся институты (партии, выборы) могут обеспечивать устойчивость, но факторы, влияющие на

это, вероятно, будут иными. Как свидетельствуют результаты исследований партий и выборов, в тех современных автократиях, которые базируются на клиентелистских отношениях [Brownlee, 2007; Gandhi, 2008; Geddes, 2006; Magaloni, 2006], ключевое значение имеют не стратегии и конфигурации сегментов, а способность правящей верхушки инкорпорировать различные элитные группы в систему дистрибуции ресурсов, координировать межэлитные взаимодействия, осуществлять политическую мобилизацию и т.д. Иначе говоря, анализируя фрагментированный порядок и его институциональную устойчивость, необходимо учитывать, что государство, выборы, партии и другие институты только внешне похожи друг на друга, а по существу они могут принципиально различаться.

Литература

- Ильин М.В.* Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – М., 2008. – № 4. – С. 8–41.
- Ильин М.В.* Суверенитет: Вызревание понятийной категории в условиях глобализации // Политическая наука. – М., 2005. – № 4. – С. 10–28.
- Лейтхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Мелешкина Е.Ю.* Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. – М., 2011. – № 2. – С. 9–27.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика // Политическая наука. – М., 2010. – № 1. – С. 8–28.
- Шилз Э.* Общество и общества: Макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 341–378.
- Autonomy, self-governance and conflict resolution: Innovative approaches to institutional design in divided societies / M. Weller, S. Wolff (eds.). – L., N.Y.: Routledge, 2005. – 276 p.
- Badie B.* The imported state: The westernization of the political order. – Stanford, Calif.: Stanford univ. press, 2000. – 278 p.
- Bartolini S.* Restructuring Europe: Center formation, system building, and political structuring between nation state and the European Union. – N.Y.: Oxford univ. press, 2005. – 448 p.

- Birnir J.* Ethnicity and electoral politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 279 p.
- Brownlee J.* Authoritarianism in an age of democratization. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 264 p.
- Brubaker R.* National minorities, nationalizing states, and external homelands in the New Europe // *Daedalus*. – Cambridge, MA, 1995. – Vol. 124, N 2. – P. 107–132.
- Chandra K.* Why ethnic parties succeed: Patronage and ethnic headcounts in India. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 368 p.
- Constitutional design for divided societies: Integration or accommodation? / S. Choudhry (ed.). – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2008. – 474 p.
- Eisenstadt S.* Revolution and transformation of societies: A comparative study of civilizations. – N.Y.: The Free Press, 1978. – 348 p.
- Eisenstadt S., Roniger L.* Patrons, clients, and friends: Interpersonal relations and the structure of trust in society. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1984. – 343 p.
- Elections for sale: The causes and consequences of vote buying / F. Schaffer (ed.). – Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2007. – 234 p.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 258 p.
- Gandhi J., Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism // *Annual review of political science*. – Palo Alto, CA, 2009. – Vol. 12. – P. 403–422.
- Geddes B.* Why parties and elections in authoritarian regimes?: Revised version of a paper prepared for presentation at the annual meeting of the American political science association. – Wanington, D.C., 2005. – March 2006. – Mode of access: <http://www.daniellazar.com/wp-content/uploads/authoritarian-elections.doc> (Дата обращения: 5.6.2012). – 30 p.
- Grzymala-Busse A.* Beyond clientelism: Incumbent state capture and state formation // *Comparative political studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, N 2. – P. 638–674.
- Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Univ. of California press, 1985. – 697 p.
- Lijphart A.* Democracy in plural societies: A comparative exploration. – New Haven: Yale univ. press, 1977. – 248 p.
- Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and post-communist Europe. – Baltimore; L.: The John Hopkins univ., 1996. – 480 p.
- Lust-Okar E.* Elections under authoritarianism: Preliminary lessons from Jordan // *Democratization*. – L., 2006. – Vol. 13, N 3. – P. 456–471.
- Magaloni B.* Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2006. – 296 p.

- Migdal J.* State-in-society: Studying how states and societies transform and constitute one another. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2001. – 291 p.
- Oberschall A.* Conflict and peace building in divided societies: Responses to ethnic violence. – L.: Routledge, 2007. – 260 p.
- Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition / H. Kitschelt, S. Wilkinson (eds.). – Cambridge, N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 377 p.
- Patzelt W.* Connecting theory and practice of legislative institutionalization. – Paper presented at the RCLS panel on «Legislative institution building and politics of developing political systems» at the Annual meeting of the Southern political science association. – January 2011. – Mode of access: http://rc08.ipso.org/public/2011_papers/Patzelt_2011_Connecting_Theory_and_Practice_of_Legislative_Institutio.pdf (Дата обращения: 15.5.2012.)
- Powell G.* Social fragmentation and political hostility: An Austrian case study. – Stanford, CA: Stanford univ. press, 1970. – 207 p.
- Quinn D., Gurr T.* Self-determination movements // Peace and conflict. – College Park: Univ. of Maryland, Center for international development and conflict management, 2003. – P. 26–38.
- Redhead M.* Making the past useful for a pluralistic present: Taylor, Arendt, and a problem for historical reasoning // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 2002. – Vol. 46, N 4. – P. 803–818.
- Reilly B., Reynolds A.* Electoral systems and conflict in divided societies. – Washington, D.C: National Academies Press, 1999. – 62 p.
- Reilly B.* Democracy in divided societies: Electoral engineering for conflict management. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – 217 p.
- Rokkan S.* The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: An ISSC workbook in comparative analysis. – Frankfurt a. M: Campus, 1987. – P. 17–50.
- Sartori G.* Parties and party systems: A framework for analysis. – Colchester: ECPR Press, 2005. – 342 p.
- Schwarzmantel J.* Nationalism and fragmentation since 1989 // Blackwell campaign to political sociology / K. Nash, A. Scott (eds.). – Blackwell, 2001. – P. 386–395.
- Shils E.* Primordial, personal, sacred, and civil ties // British journal of sociology. – L., 1957. – Vol. 8, N 2. – P. 130–145.
- Sisk T.* Power sharing and international mediation in ethnic conflicts. – Washington, D.C.: US Institute of Peace Press, 1996. – 143 p.
- Smootha S.* Arabs and Jews in Israel. – Boulder, CO: Westview press, 1989. – Vol. 1. – 357 p.

-
- Spruyt H.* The origines, developments, and possible decline of the modern state // Annual review of political science. – Palo Alto, CA, 2002. – Vol. 5. – P. 127–149.
- Wilkinson S.* Votes and violence electoral competition and ethnic riots in India. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 312 p.
- Wimmer A., Cederman L.-E., Min B.* Ethnic politics and armed conflict: A configurational analysis of a new global data set // American sociological review. – 2009. – Vol. 74, N 2. – P. 316–337.
- Wissenburg M.* Political pluralism and the state: Beyond sovereignty. – Milton Park, Oxford: Routledge, 2008. – 223 p.
- Wolff S.* Approaches to conflict resolution in divided societies // Ethnopolitics papers / Exeter centre for ethno-political studies. – Exeter: Univ. of Exeter, 2010. – N 5. – 38 p.
- Wolff S.* Managing ethno-national conflict: Towards an analytical framework // Commonwealth & comparative politics. – L., 2011. – Vol. 49, N 2. – P. 162–195.